

„ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО ЕХАТЬ В МОСКВУ“

НОВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПЬЕСЫ

М. ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА 4/8-322.

На днях в театре С. М. Эйзенштейн поделился с работниками московских театров своими впечатлениями от пребывания в Америке. С. Эйзенштейн подробно останавливался на состоянии американского театра и кино.

Тов. Эйзенштейн сообщил также, что им привезено в Москву несколько пьес современных американских драматургов, представляющих интерес для советского зрителя, которые было бы целесообразно переработать для советской сцены.

Среди этих пьес — работа драматурга Кауфмана «Для тебя я пою», принадлежащая к категории весьма распространенных за последнее время на американской сцене пьес, посвященных политическим и общественным нравам американской жизни. Но в то время как большинство пьес этого типа весьма беззубо и имеет своим неизбежным финалом наказанный порок и торжествующую добродетель, пьеса Кауфмана наполнена злой, едкой иронией и содержит в себе не мало юмора, неприятных для американского обывателя.

Пьеса, наглядно показывающая механику президентских выборов в Соединенных Штатах (по ходу действия эти выборы переплетаются с одновременно происходящим конкурсом красоты), очень остроумна. По словам Эйзенштейна, в ней буквально нет ни одной реплики, которая не вызвала бы гомерического хохота зрительного зала.

Эйзенштейн привез и другую пьесу того же Кауфмана «Однажды в жизни», посвященную нравам американского кинематографа. Голливуд, являющийся вскрывающую сущность буржуазного кино. Пьеса заканчивается словами: «Остается только ехать в Москву».

«Однажды в жизни» легко поддается переработке для советской сцены и будет предложена для постановки московскому Мюзик-Холлу.

Эйзенштейн захватил с собой также и последнюю пьесу хорошо известного у нас драматурга О'Нейла «Пристало ли Электре горевать». Эта пьеса пользуется большим успехом у наиболее передовой части американской интеллигенции.

КЛАДБИЩЕ ЦИРКОВ

КРИЗИС ЦИРКА В АМЕРИКЕ

М. Веч. Москва. 19/IX 322.

В Америке, в маленьком городке Ланкастер (в штате Миссури), умер на днях некий чудакватый старик по имени Вилльям Холл. На его похороны съехались люди со всей страны. Т были удивительные похороны. За гробом покойного ехали малиновые, украшенные резьбой и позолотой фургоны. Из фургонов печально глядели подолбленные от старости львы. В слуховые окошечки высовывались удивленные мордочки обезьян. Тяжелые першероны шли, покрытые траурными пополами. И corteж важно замыкал огромный слон с привязанной на спине корзинкой с венками.

Вилльям Холл был знаменитым человеком: афиши с его именем висели когда-то во всех городах Америки. Малиновые фургоны с его маркой сотни раз пересекали Аппалачские и Скалистые горы. Эти фургоны алали и в прериях и в Великих озерах.

Холл был яростным фанатиком циркового искусства, последним магиканом старого цирка, который фактически исчезает сейчас в Америке и в Европе. Цирковая карьера Холла началась рано, когда он из батрака на скотоводческой ферме превратился в знаменитого дрессировщика лошадей. В зените своей долго не умиравшей славы он был директором одного из крупнейших американских передвижных цирков «Янк-Робинзон».

Холл отошел от дела лет десять назад, когда растущая конкуренция молодых-холлов стала отражаться на работе цирка. Менялись сами формы и методы циркового искусства. Основа старого цирка — дрессированная лошадь — уходила на второй план. В цирковой акробатике стали доминировать «смертельные трюки». Холл негодовал.

— Старый цирк умирает, — говорил он, — сейчас разодетым джентльменам в цилиндре нужны голые женщины и музык-холльные трюки. Они уже не признают номеров с предохранительной сеткой. Им хочется шекотки! Перов.

И Холл бросил любимое дело, купил кусок земли в родном Миссури и организовал «кладбище для цирков». Весь свой капитал он тратил на покупку инвентаря и имущества банкротившихся цирков и помещал все это у себя на ферме.

— Когда-нибудь Америка вспомнит о старом, истинном цирковом искусстве, — говорил он, — и тогда она увидит его. «Когда под'езжаешь к ферме старого Холла, — писал сотрудник американского журнала «Барик Мэгэзин», — ви-

дешь прежде всего фургоны. Красные фургоны. Малиновые, желтые, голубые с разными именами на фасадах, именами, когда-то гримешными в Америке. Они уныло стоят в зарослях сорной травы, потертые, облезлые от непогоды и времени. На железнодорожной ветке, идущей к ферме, дремлют вагравешные пушмановские вагоны, когда-то переносившие львов, сейчас наполовину ослепших от старости, и слонов, мирно разгуливающих по двору».

«Этих слонов здесь свыше пятидесяти, — рассказывает корреспондент, — среди них отличные, замечательно красивые экземпляры. Сейчас они без работы, как и львы, дремлющие в клетках среди полевых цветов, как и обезьяны, скачущие в барак. Кризис отразился и на них. Большинство этих зверей было продано Холлу циркаем, потерпевшим крах совсем недавно, в последние годы кризиса. Чудак Холл принял их сюда, на свою звериную биржу труда, и, право, им здесь гораздо лучше, чем людям в ночлежках на Бауэри».

В огромных бараках, отапливаемых вином, были собраны почти все представители циркового звериного мира: тигры, уныло бродящие в клетках с написанным «типопотомами», белые медведи, заходящиеся под солнцем Миссури, собаки и лошади. Последних было больше всего. Номера с дрессированными лошадьми менее всего популярны сейчас на арене буржуазного цирка, и владельцы их в последнее время десятиками сплавляли лошадей Холлу. И Холл покупал. Когда он умер, на его текущем счету в банке не осталось денег даже на его похороны.

— Америка еще вспомнит о цирке, — говорил Холл незадолго до смерти. Но Америка не вспомнила. Искусство цирка действительно умирает у буржуазной Америки и в Европе. Недавно было продано с аукциона имущество двух цирков Чолтер Мейна, звенев крупнейшей в мире Американской цирковой корпорации. В Европе терпит крах даже цирк с такой мировой известностью, как цирк Сараван.

— Со смертью Холла, — писал один из американских журналистов, — умерло искусство настоящего цирка, которое уже никогда не увидит мир.

Он ошибается. Это искусство живет и развивается в Советском союзе.

И не даром администрация цирка Сараван ведет переговоры о продаже своего огромного имущества именно в СССР.

А. ГРЕВС